

Цзин Сючжу замер.

«Он сейчас... назва́л меня братом?»

Обычное, казалось бы, слово, но из уст этого мелкого мерзавца оно прозвучало с какой-то мягкой, виляющей, соблазнительной интонацией — и вместе с тем жутко намозолило уши, так и напрашиваясь на хорошую затрещину.

В его голосе не слышалось юношеского задора — напротив, в нём сквозила прохладная, обволакивающая мягкость, будто шёлк, вымоченный в ледяном ключе. Он едва ощутимо касался самого сердца и тут же ускользал.

Он смотрел на человека свысока, наблюдая, как тот сходит с ума от небрежной провокации, а сам хладнокровно отстранялся, совершенно не заботясь о раздутом пламени.

Цзин Сючжу окинул его долгим взглядом и, опершись рукой о край стола, принял эту двусмысленную игру:

— И как же ты хочешь, чтобы брат встал перед тобой на колени? Сзади? Или спереди?

Нин Цзяньцзин откинулся на спинку кресла. Крутя в пальцах перьевую ручку, он чуть склонил голову набок, будто и впрямь озадачился, и всерьёз спросил:

— Цзин Сючжу, скажи честно: почему у тебя язык такой ядовитый?

— И это ты называешь «ядовитый»? Если уж Сяо Нин-е даже такого выдержать не в состоянии, то вали-ка лучше домой — дальше изображать из себя белоручку и мажора.

Цзин Сючжу наклонился ниже, впившись взглядом прямо в глаза собеседника. Чеканя каждое слово, он едва слышно, одним лишь полушёпотом произнёс:

— Запомни: я тебе всю жизнь потакать не стану. Уяснил?

Голос у Цзин Сючжу и впрямь был хорош — бархатистый, низкий, с лёгкой хрипотцой, которая приятной шероховатостью царапала душу.

«Хм, довольно сексуально».

Нин Цзяньцзин усмехнулся, чуть повернув голову:

— Кто знает... Вдруг настанет день, когда ты сам умолять будешь, чтобы тебе разрешили мне

потакать?

Цзин Сючжу смерил его оценивающим взглядом с ног до головы:

— Ещё не проснулся?

Нин Цзяньцзин на мгновение нахмурился. Атмосфера между ними накалилась до предела, готовая вот-вот с треском взорваться и затопить всю комнату, как вдруг он беспечно швырнул на стол явно дорогую ручку.

— Капитан Цзин, ты, кажется, кое-чего не понимаешь. Тот, кто тебя сейчас кормит — это я.

— И что с того? Выгнать меня хочешь? — Цзин Сючжу насмешливо вскинул бровь. — К твоему сожалению, мой контракт ещё не истёк.

Нин Цзяньцзин тут же мгновенно погасил улыбку. Поднявшись из-за стола, он подошёл вплотную. Слегка вскинув подбородок, он положил руку ему на плечо и сбавил тон до еле слышного шёпота:

— Нет. Пока ты способен выходить на арену, ты никуда не уйдёшь. Кроме FRG, тебе пути нет.

Цзин Сючжу молча разглядывал его несколько секунд, а затем криво ухмыльнулся:

— Что, правда возомнил себя моим папиком?

Нин Цзяньцзин склонился к его плечу, почти касаясь подбородком, и его горячее дыхание обжгло ушную раковину:

— А ты отдашься, капитан?

Цзин Сючжу насупился и, резко перехватив его тонкое запястье, прижал парня к рабочему столу. Нависнув сверху, он прорычал:

— Мелкий паршивец... Ещё хоть раз попытаешься поиграть с огнём — придушу нахрен.

Нин Цзяньцзин даже не дёрнулся, позволяя удерживать себя, но его бровки капризно сдвинулись к переносью:

— Капитан Цзин, мне больно.

Цзин Сючжу хмыкнул и лишь сильнее сжал хрупкое запястье, зафиксировав его руку у самой головы парня:

— Изображай дальше. Даю тебе пять минут на весь спектакль. На меня это не действует, уяснил?

Нин Цзяньцзин закусил губу. В какой-то момент его глаза подозрительно покраснели и влажно заблестели, а на пухлой нижней губе от зубов остался бледный след. Голос предательски задрожал:

— Ты правда мне руку ломаешь... Рука болит, и поясница тоже... Я больше не могу, а-ах...

— Больно же... Брат, не надо... Отпусти меня, умоляю...

За дверью у Вэнь Чэна от этих звуков едва подкосились колени. Дрожащими руками он приоткрыл дверную щель и онемел: Цзин Сючжу навис над парнем, прижав его к столу, будто слившись с ним в страстном поцелуе.

Сладкий голос Нин Цзяньцзиня мешался с наигранно-мучительными стонами, а томная поволока в интонациях заставляла кровь приливать к низу живота.

«Игрища... прямо в кабинете?!»

Нин Цзяньцзин понятия не имел, что за ними наблюдают, но заметил, как у Цзин Сючжу изменился взгляд.

«Ну и старый извращенец, — усмехнулся он про себя. — Запал, значит, на такую покорность».

При движении ворот рубашки Нин Цзяньцзиня распахнулся ещё сильнее — пара верхних пуговиц и так были расстёгнуты.

От ключицы и ниже обнажилась гладкая, белоснежная кожа груди, на которой едва заметно розовела нежная точка соска.

Нин Цзяньцзин подлил масла в огонь, принявшись стонать всё развязнее. Обычный захват за запястье звучал теперь так, будто его прямо здесь грубо и страстно берут:

— Братишка, правда больно... Я больше так не буду, пощади... Отпусти...

Цзин Сючжу прекрасно понимал, что тот просто паясничает, но это жалобное «брат», повторённое снова и снова, невидимой мягкой ладонью сжимало его собственное горло, лишая

возможности сопротивляться.

— Ещё раз попробуешь играть у меня на нервах?

Нин Цзяньцзин быстро захлопал влажными ресницами, изображая крайнюю степень раскаяния:

— Не буду, правда не буду! Я всё понял, отпусти!

Встретившись с ним взглядом, Цзин Сючжу внезапно ощутил, как где-то в глубине груди кольнула жалость. Он перевёл взгляд на запястье, которое сжимал: тонкая кожа и впрямь налилась краснотой. Пальцы разжались сами собой.

В детстве Нин Цзяньцзиню в семье Нин приходилось несладко. Для них он был лишь живой «покупкой», купленным товаром, и вся эта его нынешняя дерзость и спесивость, скорее всего, служила лишь защитным панцирем.

Заметив, как из уголка глаза парня выкатилась одинокая слеза, Цзин Сючжу почувствовал, как сердце сжалось от непонятной боли.

— Не плачь, — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать.

Нин Цзяньцзин обиженно растирал левое запястье. Его длинные ресницы вздрогнули, а губы снова сжались:

— Брат, ты мне больно сделал.

Это беспомощно-обиженное выражение лица на мгновение наложилось на образ из прошлого: кто-то так же осторожно тянул его за край одежды и жаловался на боль, заставляя сердце сжиматься в тисках тоски.

На какое-то мгновение Цзин Сючжу потерял дар речи.

Натянутая до предела струна вражды между ними вдруг сорвалась и обратилась в мыльный пузырь, который с тихим щелчком лопнул где-то в самой глубине души.

Цзин Сючжу смотрел в его глаза, а затем — на то, как парень отвернулся, тихонько смахивая слёзы, и грудь сжало ещё сильнее.

— Правда больно? — Цзин Сючжу насупился. Сам-то он почти не давил — неужели покраснело только потому, что этот неженка такой чувствительный?

«Старый хрыч, — злорадно подумал про себя Нин Цзяньцзин. — Если я тебя вокруг пальца не обведу, какой из меня Сяо Нин-е!»

Но уже в следующую секунду он поднял взгляд и с самым несчастным видом кивнул.

Цзин Сючжу долго молчал, а потом буркнул:

— Хочешь, укуси меня в ответ? Моя персона сможет угодить молодому господину?

— Ты вообще руки мыл, негрязный наш? — Нин Цзяньцзин фыркнул и, откуда-то извлекая клетчатый льняной платочек, аккуратно вытер слезу.

Отбросив платок, он мгновенно сменил гнев на милость, в один миг вернув себе привычный надменный вид. Опершись ладонями о стол, парень свободно уселся на полированную столешницу:

— Ну, выкладывай. Ты ведь не просто так пришёл, чтобы мне руки заламывать?

Цзин Сючжу сжал пальцы в кулак и немного неловко отступил на шаг назад:

— Кто разрешил тебе притащить кота на базу?

Нин Цзяньцзин на секунду опешил.

«Кота?»

А затем огласил кабинет протяжным, понятливым «о-о-о» и, чуть склонив голову, поинтересовался:

— Не терпишь кошек? Дай угадаю... Раньше ты держал кота вместе с кем-то, кого любил, а потом тебя бросили? И теперь это травма на всю жизнь?

Плечи Цзин Сючжу едва заметно вздрогнули, а и без того бледное лицо, казалось, перекопилось ещё сильнее.

— Скажи, капитан Цзин... ты сильно жалеешь?

— Не твоего ума дело.

Глядя вслед капитану, который практически сбежал из кабинета, Нин Цзяньцзин опустил

взгляд на своё покрасневшее, горящее запястье и тихо посмеивался:

—... И откуда тебе знать, что не моего.

— Ох, нихера себе!

Едва Цзин Сючжу распахнул дверь, как внутрь чуть не свалилось какое-то тело. Разглядев, кто перед ним, капитан нахмурился:

— Ты что тут забыл?

Вэнь Чэн спешно поднялся с пола. Неловко улыбнувшись Нин Цзяньцзиню, он сгрёб Цзин Сючжу за рукав и потащил прочь по коридору:

— Да я от Синьсинь услышал, что ты пошёл к боссу. Переживал, как бы вы тут друг другу морды не набили, вот и решил проверить...

Вэнь Чэн смахнул холодный пот со лба. В ушах всё ещё стояли эти жалобные, почти плачущие стоны Нин Цзяньцзиня, а перед глазами — картина: молоденький босс сидит на столе, разглядывая руки, со всеми признаками недавней бурной «расправы».

Вэнь Чэн осторожно спросил:

— Ты что... над ним надругался? В кабинете-то постеснялись бы, тут с шумоизоляцией, мягко говоря, так себе...

У Цзин Сючжу немилосердно раскалывалась голова: образ Нин Цзяньцзиня накладывался на воспоминания о том самом юноше. Ему было не до глупостей Вэнь Чэна, поэтому он лишь ледяным взглядом одарил парня:

— Тебе делать больше нечего?

— Есть чего, конечно! Но по сравнению с вашими страстями — это так, ерунда.

— Тренировку на скорость пальцев закончил?

Вэнь Чэн ненавидел монотонную отработку аима и кликов больше всего на свете. При этих словах ему захотелось просто сбежать:

— Нет ещё...

— Удвоить время. Вечером лично проверю.

Нин Цзяньцзин немного посидел в задумчивости с телефоном в руке, механически постукивая пальцами по столу, а затем, словно приняв решение, поднялся и спустился на первый этаж.

Завидев его, Чэнь Синь тут же подбежала ближе и беспокойно спросила:

— Господин Нин, капитан Цзин только что расспрашивал меня про кота... Он хочет, чтобы мы его убрали из базы?

Нин Цзяньцзин ласково почесал кота за ушком. В уголках его глаз затаилась мягкая улыбка, а голос прозвучал сдержанно и тепло:

— Нет, не уберёт.

Чэнь Синь сначала обомлела, а затем просияла:

— Правда?! Какое счастье, он ведь такой милый... Ой, господин Нин, а что у вас с рукой?

Нин Цзяньцзин опустил глаза и потянул рукав ниже, скрывая ссадины и красноту:

— Ерунда.

Глядя на его реакцию, Чэнь Синь молча вздохнула про себя.

«Капитан Цзин ворвался к нему такой разъярённый... Верно, устроил бедному господину Нину взбучку. А тот ведь искренне и безответно любит его, волнуется о его здоровье, да сказать вслух стесняется... Готов терпеть обиды, недопонимание и настоящую тиранию... И даже сейчас принимает весь урон на себя из-за какого-то котёнка. Его так жестоко травмировали, а он ни единого плохого слова про него не скажет!»

Сердце девушки сжалось от жалости. Тщательно подбирая выражения, она с глубоким сочувствием произнесла:

— Господин Нин... Поверьте, если между людьми возникает недопонимание, не стоит из-за упрямой гордости всё разрушать. Зачем тратить годы понапрасну?

Нин Цзяньцзин нахмурился, впадая в полное недоумение:

— А?

«Эх, ну конечно, — вздохнула Чэнь Синь. — Пока сгоревшая любовь не вспыхнет вновь, каждый строит из себя дурака, пытаясь сохранить остатки гордости».

Не желая сыпать соль на незажившую рану, она решила перевести тему:

— Ой, да не берите в голову! Я просто хотела спросить... А у котика имя уже есть?

Пальцы Нин Цзяньцзиня, гладившие кота, на миг замерли. В его ухмылке проскользнуло нечто неоднозначное:

— Есть. Бамбуковый Побег.

Чэнь Синь опешила.

«Сючжу... Побег... Бамбук?!»

«Сяо Нин-е действительно не может забыть капитана! Назвал кота в его честь, чтобы хоть так высказать свою тоску! О боже, это же так трогательно и печально!»

Она твёрдо решила, что обязана помочь им воссоединиться и наконец обрести счастье!

<http://bllate.org/book/20061/1991274>